

Германія

I.

Мѣсяца два тому назадъ адъютантъ артиллерійскаго полка задалъ мнѣ на первый взглядъ весьма странный вопросъ: не согласился ли бы я прочесть въ офицерскомъ Собраніи докладъ о ...нѣмецкой военной литературѣ?

За время своего пребыванія въ Германіи мною было прочитано въ Германіи, болѣе, чѣмъ въ 80 городахъ около 200 публичныхъ лекцій, но всегда о Россіи и большевикахъ. Предложеніе дрезденскаго офицерства меня заинтересовало, и я согласился.

Памятуя совѣтъ Нитше, что, вступая въ новое общество, лучше всего начинать съ вызова на дуэль, я рѣшилъ читать совершенно откровенно. Къ моему удивленію, моя откровенность никого не задѣла. За ужиномъ, послѣ доклада очень умный, хорошо говорящій по-русски и неоднократно бывавшій въ Россіи, полковникъ объяснилъ мнѣ, что лекціонная комиссія обратилась именно ко мнѣ, думая, что иностранцу легче быть безпристрастнымъ въ спорахъ о Ремаркѣ и другихъ авторахъ, чѣмъ нѣмцу. Въ этихъ словахъ я быть можетъ глубже, чѣмъ во многомъ другомъ почувствовалъ, до чего измѣнилась Германія. Признаюсь, что я провелъ въ офицерскомъ Собраніи весьма уютный вечеръ. Меня поразили: скромность подчеркнуто-трезваго ужина, вѣжливость въ обращеніи съ вѣстовыми, серьезность грустныхъ лицъ и искреннее стремленіе пореволюціоннаго офицерства къ государственной сверхпартійности.

Рѣшившись читать докладъ, я позвонилъ въ книжный магазинъ и попросилъ прислать мнѣ наиболѣе замѣтныя новинки о войнѣ. Къ вечеру у меня на письменномъ столѣ оказалось 28 томовъ. Сначала я было впалъ въ отчаяніе, но черезъ нѣсколько дней работы уже почувствовалъ, что темъ и точскъ зрѣнія гораздо меньше, чѣмъ перепѣвающихъ другъ друга книгъ.

Главная разница между книгами, сразу же бросающаяся въ глаза, заключается въ томъ, что однѣ говорятъ исключительно о войнѣ, непосредственно о войнѣ: объ окопахъ, битвахъ, раненіяхъ, увѣчьяхъ, смертяхъ. Другія же обо всемъ: о Богѣ, о совѣсти, о природѣ, о любви, о родинѣ, о врагахъ, но, конечно, то же и о войнѣ, какъ о главномъ содержаніи и внезапномъ обостреніи всѣхъ жизненныхъ вопросовъ. Чѣмъ исключительно авторы заняты войной, тѣмъ ихъ книги — какъ общее правило — хуже и тенденціознѣе. Чѣмъ больше они заняты жизнью, всею жизнью, въ ея военномъ преломленіи, тѣмъ ихъ книги правдивѣе и духовно свободнѣе. И это вполнѣ понятно. «Всякое постиженіе въ послѣднемъ счетѣ всегда отождествленіе. Война есть безуміе, смерть и разрушеніе; потому она можетъ быть дѣйствительно постигнута лишь окончательными разрушенными душевно и тѣлесно-сумасшедшими и мертвецами. Все же, что о ней силятся сказать оставшіеся въ живыхъ и въ здоровомъ разумѣ, недостаточность, граничащая съ ложью» *).

О самой войнѣ, о войнѣ на войнѣ, быть можетъ можно правдиво молчать; правдивыя же слова возможны только о томъ, что не есть сама война. Правдивыя слова возможны лишь о жизни на войнѣ, о переживаніяхъ вкругъ и около войны. Всѣ наиболѣе чуткіе художники это всегда чувствовали. Но послѣвоенная аудитория была заинтересована не столько художественно-правдивыми изображеніемъ неизобразимаго лица войны, сколько социально политическимъ заклятіемъ ся образа, уничтоженіемъ ся возможности въ будущемъ. Этимъ объясняется тотъ безспорный фактъ, что быть можетъ лучшія, глубокія, но тихія, незамѣтныя книги съ фронта были затерты болѣе шумными, эффектными, но гораздо менѣе правдивыми книгами о войнѣ. Такъ, почти никто не обратилъ вниманія на стихи безвременно погибшаго поэта Trakl'я; на глубокія страницы дневниковъ - самоанализовъ очень талантливаго художника Franz Marek'a. Не получили должнаго признанія зоркія, вдумчивыя, эстетически строгія и зрѣлыя, но какъ-бы стыдящіяся слишкомъ большого приближенія къ ужасу войны книги двухъ извѣстныхъ лириковъ - Binding: «Aus dem Kriege» и Carossa: «Das

*) Ф. А. Степунъ. Изъ писемъ прапорщика-артиллериста. Книг. «Пламя» Прага.

rumänische Tagebuch». Даже печатавшіяся въ распространеннѣйшей «Frankfurter Zeitung» отдѣльными фельетонами воспоминанія Mayer-Gräfe прошли сравнительно незамѣтно. Въ широкой публикѣ о нихъ не говорили. И даже собранныя проф. Witkop'омъ письма павшихъ студентовъ, среди которыхъ встрѣчаются мысли, чувства и образы исключительной глубины и подлинности, не вызвали и сотой доли тѣхъ словесныхъ битвъ, которыя мѣсяцами не прекращались вокругъ имени Remark'a. Въ виду такого положенія вещей тема военной литературы раскалывается какъ-бы на двѣ темы. На тему художественнаго изображенія войны въ литературѣ и на отношеніе нѣмецкаго общества къ войнѣ.

Справиться въ одинъ часъ съ двумя темами было невозможно. Читая въ офицерскомъ Собраніи, я рѣшилъ остановиться на второй темѣ, а тѣмъ самымъ и па тѣхъ книгахъ, что пытаются высказать самую сущность войны, т. е. не на книгахъ съ фронта, а исключительно только на книгахъ о войнѣ.

**
*

Я уже сказалъ, что изображенія войны отчасти перепѣваютъ другъ друга. Это не относится, конечно, къ такимъ беллетристическимъ произведеніямъ (о которыхъ я рѣшилъ не говорить), какъ «Soldat Suhren» Georg van der Vring'a или «Streit um den Sergeanten Grischa» Arnold Zweig'a, но ко всѣмъ болѣе или менѣе документальнымъ или документально-образнымъ описаніямъ войны. Не имѣя возможности прочесть безконечное количество относящихся сюда книгъ и не имѣя возможности подробно распространяться даже и обо всѣхъ прочитанныхъ, я рѣшилъ остановиться на четырехъ, получившихъ широкое распространеніе и сыгравшихъ въ организациі общественнаго мнѣнія по вопросу о войнѣ роль нѣкихъ кристаллизационныхъ центровъ. Такъ какъ читательская аудитория явно распадается на активистовъ и пацифистовъ, то я и избралъ для своего анализа двѣ активистскія и двѣ пацифистскія книги:

Franz Seldt: M. G. K.	{	активисты;
Ernst Junger: In Stahlgewittern		
Remark: Im Westen Nichts Neues	}	пацифисты.
Renn: Krieg		

**

М. Г. К. (пулеметная команда), представляет собою большой интерес уже по одному тому, что ея авторъ является признаннымъ и любимымъ вождемъ «Стальной Каски», фашистской организаціи, ведущей энергичную борьбу не только съ союзомъ красныхъ фронтовиковъ, но и вообще со всей лѣво-демократической Германіей. Среди бывшихъ офицеровъ организація «Стальной Каски» безусловно пользуется большими симпатіями. На улицахъ военнаго квартала стараго Дрездена часто встрѣчаются высокія худыя фигуры съ изможденными лицами въ потертыхъ, очевидно перешитыхъ изъ шинелей, пальто съ изображеніемъ стальныхъ шлемовъ на лѣвомъ борту. Во время своего доклада я внимательно наблюдалъ аудиторію. Моя рѣзко отрицательная характеристика книги Зельдте была выслушана не только безъ малѣйшаго протеста, но даже, какъ мнѣ показалось, и съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Объясняется это, какъ мнѣ думается, отнюдь не политической лѣвизною состоящаго на дѣйствительной службѣ нѣмецкаго офицерства, а той его суровой дѣловитостью, которой должна быть не переносима буржуазно-сентиментальная романтика автора «Пулеметной команды». Чего стоитъ одно только предисловіе! Типичная цвѣтная обложка самаго распространеннаго въ свое время общедоступнаго семейнаго журнала «Gartenlaube»: отецъ разбирается въ пожелтѣвшихъ отъ времени восниныхъ донесеніяхъ, по которымъ весело бѣгаютъ зайчики, а внизу подъ окномъ играетъ его сынъ, опора, сила и слава будущей, — снова свободной и снова могучей — Германіи. Съ первыхъ главъ книги, описывающихъ торговый домъ «Hellmuth Stahl» (читай Stahlhelm), поднимаются съ дѣтства знакомые каждому нѣмецкому юношѣ ароматы старинно-доброкачественнаго романа Gustav Freytag'a «Soll und Haben» (Приходъ и расходъ). Ароматы свѣже-смолоатаго кофе, корицы и всякихъ иныхъ з.-оксанскихъ продуктовъ (очевидно протестъ противъ отобранія колоній). На волнахъ этихъ ароматовъ выплываетъ фигура стараго служаки (честной шкуры), на котораго Hellmuth Stahl возлагаетъ задачу блюсти честь старейшей фирмы и юныхъ женщинъ. Черезъ нѣсколько страницъ къ этой темѣ экспортно-импортныхъ ароматовъ и древне-германской честности и чести присоединяется еще

болѣ поэтическая тема стараго Гейдельберга (популярная, многошедшая даже и на русской сценѣ септиментальная комедія, центральнымъ эпизодомъ которой является романъ принца и кельнерши). Hellmuth Stahl встрѣчаетъ на фронтѣ любимаго секунданта студенческихъ дуэлей, человѣка громадной «старогерманской жажды» (Altgermanendurst). Его орлиный носъ по-старому упрямо прорѣзываетъ воздухъ и по звучнымъ командамъ благородно раскатывается гарцевское рр... рр.

Эти свѣтлые образы отошедшей Германіи, милые сердцу Зельдте, свѣтлыми зайчиками такъ и мечутся по страницамъ его исключительно легкомысленной и исключительно бездарной книги. Но болѣ всего мечется по страницамъ «Пулеметной команды» онъ самъ, Hellmuth Stahl въ своемъ Stahlhelm'ѣ. Конечно, мечется онъ картинно и благородно, т. е. верхомъ на кровной кобылѣ (такъ невольно представляется читателю), носящей демоническое имя Сатанеллы. Какъ чуть что онъ «вздергиваетъ ей голову» (что, къ слову сказать, отнюдь не требуется никакимъ кавалерійскимъ уставомъ), и она съ мѣста пускается вдаль «мощнымъ прыжкомъ, разсыпая окрестъ искры». (Невольно представляется средневѣковый замокъ, висячій мостъ и рыцарь съ копьемъ на-перевѣсь). Нечего говорить, что Stahl прекрасно стрѣляетъ — четверо не успеваютъ заряжать. Нечего говорить и о томъ, что вокругъ него всѣ герои. Впервые раненый товарищъ въ минуту раненія такъ прямо и говоритъ Stahl'ю: «По какому праву ты въ бою меня толкаешь въ задницу?» Самое же типичное можетъ быть то, что, когда послѣ труднаго дня на фронтѣ появляются полевые кухни, то Stahl отказывается отъ ѣды. Очевидно, его древнегерманская жажда жаждетъ всего только бутылки французскаго шампанскаго.

Таково настроеніе книги. Въ его оправданіе можно привести только одно соображеніе: послѣдняя запись книги помѣчена декабремъ 1914-го года. Ни проблемъ, ни образовъ въ книгѣ Зельдте искать не приходится. Изобразительныя способности автора весьма скромны. Языкъ ученическій.

И все же «Пулеметная команда» явленіе психологически и социологически весьма характерное и существенно. Только относительно все еще большой распространенностью Зельдтевскихъ настроеній въ пореволюціонной Германіи и, что гораздо важнѣе, — только почти безгранич-

ной властью этих настроений падъ душою до-революционной Германіи объясняется исключительный успѣхъ книги Ремарка. Смысль этого успѣха тяжелое, подчасъ быть можетъ, даже стыдное отрезвленіе германскаго народа отъ шовинистическаго хмеля Вильгельмовской эры. Успѣхъ Ремарка и популярность фигуры Штреземана, столь возросшая за его болѣзнь, явленіе одного порядка. Ничто не доказываетъ правильности Штреземановской политики примиренія (*Verständigungspolitik*) съ такой определенностью, какъ тотъ фактъ, что одно время нѣмцы во всѣхъ трамваяхъ, во всѣхъ иоѣздахъ читали «На западѣ безъ перемѣнъ». Въ сущности издатель, выпустившій Ремарка организовалъ плебесцитъ по вопросу о войнѣ, не стоившій государству ни одной копѣйки.

Главная причина успѣха Ремарка кроется, на мой взглядъ, въ томъ, что его пацифизмъ лишень всякой революціонно-соціалистической окраски. Только благодаря этой своей аполитичности и психологической буржуазности Ремаркъ былъ допущень къ свободному обращенію въ обывательски-буржуазныхъ и даже офицерски-чиновничьихъ кругахъ. Громадную популярность Ремарка создали въ Германіи отцы и матери, братья и сестры павшихъ на полѣ брани юношей, безрадостно старѣющія вдовы, одиноко подрастающія сироты, увѣчные воины, разрушенныя войною положенія и состоянія. Десять лѣтъ эти люди молчали, работали, стиснувъ зубы и не допускали въ себѣ мысли о томъ, что они были неправы въ своей любви къ родинѣ, были неправы, отсылая своихъ сыновей добровольцами на фронтъ, что они зря отдали государству свои золотые часы и цѣпочки. Десять лѣтъ никто изъ нихъ не отзывался на пацифистскія проповѣди социаль-демократовъ. Пацифизмъ оставался нравственно под запретомъ.

Но годы шли. И въ широкихъ слояхъ нѣмецкаго народа, въ душахъ милліоновъ и милліоновъ съ дѣтства патристически възвзданныхъ обывателей стали все прочнѣе, и прочнѣе утверждаться великія будни простыхъ и естественныхъ чувствъ: зачѣмъ и за что загубили мы нашихъ дѣтей? какой смыслъ въ нашемъ вдовствѣ и нашемъ сиротствѣ? какой смыслъ въ нашей убогой бѣдности и въ нашей великолѣпной враждѣ? Къ этимъ чувствамъ присоединилось нѣчто другое: ощущеніе того, что ирришешіе къ власти социаль-демократы совсѣмъ не похожи на

тѣхъ громилъ и грабилъ, о которыхъ говорили монархическіе идеологи войны. Для широкихъ средне- и мелкобуржуазныхъ слоевъ это выяснилось уже во время президентства Эберта. Окончательно же закрѣпилъ это ощущеніе въ душѣ германскихъ массъ Гинденбургъ, мало въ чемъ отклонившійся отъ политической линіи своего «краснаго» предшественника. Я увѣренъ, что уже не разъ слышанная мною въ Германіи мысль будетъ когда-нибудь осуществлена, что въ свое время гдѣ-нибудь будетъ воздвигнутъ памятникъ, на которомъ рядомъ, держа другъ друга за руки (какъ Гете и Шиллеръ въ Веймарѣ) будутъ красоваться баденскій сѣдельщикъ Эбертъ и генералъ-фельдмаршалъ пруссакъ фонъ-Гинденбургъ. Вотъ, какъ мнѣ кажется, тѣ новыя германскія настроенія, которыми объясняется успѣхъ Ремарка. Это не былъ успѣхъ пацифистской и въ особенности социалистической проповѣди. Это былъ, если такъ можно выразиться, успѣхъ плача. Ремаркъ сыгралъ роль протагониста, нѣкоего всенародно скорбнаго хора. Читая Ремарка, политически еще аморфная (ненавидящая, напр., Барбюса) новая Германія хоронила свое прошлое, отпѣвала своихъ покойниковъ, зарекалась отъ повторенія войнъ, отмежевывалась отъ опозорившихъ себя (бѣгствомъ Вильгельма) Гогенцоллерновъ, лѣтѣла психологически, но бессознательно, конечно, и политически.

Въ общемъ и цѣломъ небывалый въ буквальномъ смыслѣ этого слова успѣхъ Ремарка былъ явленіемъ отраднымъ и здоровымъ, несмотря на то, что въ немъ громадную роль сыграла прекрасно поставленная реклама предпринимателей (Издатель, частники, газеты) и весьма расстроенные нервы читателей.

Поголовнымъ успѣхъ Ремарка однако все же не былъ. Не приняли его, какъ мнѣ кажется, три весьма различныхъ категоріи читателей, а отчасти, конечно, и писателей.

Не приняли его, во-первыхъ, по соображеніямъ политическимъ всѣ опредѣленные враги по-революціонной республикански-демократической Германіи, т. е. коммунисты и весь спектръ тайныхъ и явныхъ фашистовъ. Ихъ отрицательное отношеніе къ Ремарку ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Но не приняли Ремарка и люди со-всѣмъ другого склада. Съ одной стороны, люди болѣе утонченнаго художественнаго слуха (въ особенности тѣ

изъ нихъ, что сами пережили войну), съ другой — многія подлинно религиозныя натуры.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что Ремаркъ писатель талантливый. Скажу даже больше: въ его книгѣ попадаются страницы по истинѣ изумительныя, на которыхъ онъ внезапно и чудесно превышаетъ уровень отпущенной ему даровитости. Но эти страницы не спасаютъ всей книги. На ряду съ ними въ ней очень много художественно-ложнаго, а отчасти даже и пошлаго. Совершенно невозможны, напр., четко и забавно написанныя фигуры фельдфебеля Химельштосса и класснаго наставника Канторека. Обѣ фигуры явно комедiйны. Цѣлое поколѣнiе провинциальныхъ нѣмецкихъ комиковъ стяжало себѣ исключительную славу и прочныя симпатiи публики изображенiемъ подобныхъ типовъ. Будь они поставлены блѣдными силуэтами въ самомъ дальнемъ углу книги, это было бы еще туда-сюда. Но они выдвинуты авторомъ на первый планъ и даны въ качествѣ незабвенныхъ, никакими ужасами войны не погашаемыхъ въ сознании молодежи представителей старой Германiи. Сцены издѣвательства надъ прибывшимъ на фронтъ Химельштоссомъ и призваннымъ на дѣйствительную службу Канторекомъ со стороны людей, прошедшихъ черезъ всѣ ужасы, но и все величiе войны, психологически мало вѣроятны. Попытка же повѣрить имъ невольно низводитъ героевъ Ремарка на очень низкiй уровень. Невольно закрадывается въ душу подозрѣнiе, — ощутили ли они въ дѣйствительности послѣднюю, потустороннюю реальность войны; былъ-ли самъ Ремаркъ дѣйствительно крещенъ ея страшнымъ духомъ и ея темной кровью.

Къ тѣмъ же сомнѣнiямъ приводитъ и многое другое въ книгѣ Ремарка.

Есть въ войнѣ безумiе гораздо болѣе страшное, чѣмъ всѣ описываемые Ремаркомъ ужасы войны. Самыя жестокiя описанiя этихъ ужасовъ—боевъ, увѣчий и смертей такъ же не въ силахъ передать его, какъ описанiе мучительнѣйшей операцiи—стоящаго за ней страха смерти. Извѣстно, что непереносимость этого страха нерѣдко толкаетъ людей на ужасныя безнадежныя, оперативныя муки, лишь бы муками лѣченiя отвлечься отъ чувства своей окончательной обреченности. Въ книгѣ Ремарка не чувствуется внутренняго пониманiя этихъ таинственныхъ связей между не сказуемымъ ужасомъ и описанiемъ ужасовъ. Ре-

маркъ даетъ временами на протяженіи нѣсколькихъ страницъ такое скопленіе непредставляемыхъ страданій, которое невольно ощущается нѣкою неправдою. Не то чтобы онъ рассказывалъ то, чего не было или не могло бы быть. Отнюдь нѣтъ. Но онъ рассказываетъ такъ густо, такъ обильно, минутами кажется, такъ охотно, что своими рассказами о неразсказуемомъ невольно умаляетъ его. Я сказалъ-бы, что Ремаркъ рассказываетъ о войнѣ такъ, какъ о мученіяхъ больного часто рассказываютъ самые близкіе ему и искренно потрясенные люди, но какъ самъ больной, прикованный угашающимъ взоромъ къ разгарающемуся передъ нимъ взору смерти, никогда рассказывать не сталъ бы, не смогъ бы. Я не знаю, былъ ли Ремаркъ въ самомъ пеклѣ войны (охотно вѣрю, что былъ), но я понимаю чувство тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что онъ въ немъ не былъ. Если бы онъ дѣйствительно пережилъ все то, о чемъ рассказалъ въ своей книгѣ, доказывала мнѣ мои слушатели, онъ долженъ былъ бы изобразить на ряду съ ужасами войны и тѣ силы, которыя давали намъ возможность внутренней побѣды надъ ними. Этого Ремаркъ дѣйствительно не показалъ. Всѣ ужасы войны показаны имъ не осиленными, не осиленными личнымъ подвигомъ. Говоря иначе, они показаны не изнутри какъ грѣхъ и подвигъ, а извнѣ, какъ смрадъ и смерчъ.

Мнѣ представляется весьма интереснымъ, что къ голосу такого возможнаго обвиненія можно безъ всякой натяжки присоединить и голосъ самаго Ремарка, вѣрнѣе голосъ его главнаго героя, отъ имени котораго онъ ведетъ свой рассказъ, голосъ Павла Беймера. Вернувшись въ отпускъ юный Беймеръ не въ силахъ рассказывать о войнѣ; его злятъ и раздражаютъ праздные вопросы отца и знакомыхъ. Онъ понимаетъ, что отцу, не бывшему на войнѣ рассказывать о ней нельзя, невозможно. Онъ даже и радъ бы сдѣлать отцу одолженіе, рассказать все, какъ было, но онъ самъ боится своихъ рассказовъ: «что стало бы съ нами, если бы мы ясно поняли то, чѣмъ мы живемъ на фронтѣ». Дѣло кончается тѣмъ, что Беймеръ рассказываетъ отцу только смѣшныя и веселыя исторіи. Когда же отецъ спрашиваетъ его, былъ ли онъ въ рукопашной, онъ встаетъ и уходитъ посидѣть подъ каштаны знакомаго рестораника. Только съ матерью ему легко. Она не спрашиваетъ, она молчитъ.

Думаю, что потрясающія батальныя картины Ремарка

съ летающими гробами и львинымъ рыкомъ раненыхъ лошадей врядъ ли пришлось бы по вкусу Павлу Беймеру. Читая ихъ, онъ вѣроятно испытывалъ бы то-же чувство боли и досады, что мучило его при разспросахъ нескромнаго и немудраго отца. Это измѣна Ремарка Беймеру есть основной недостатокъ книги Ремарка. Объясняется онъ, конечно, тѣмъ, что она задумана и осуществлена на одиннадцатомъ году послѣ окончанія войны, и что Ремаркъ обращается къ людямъ, не бывшимъ на войнѣ, которымъ онъ хочетъ передать весь ея ужасъ, что такъ же невозможно, какъ рассказать камнямъ о перебояхъ сердца. Конечно, люди не камни. Ужасы Ремарковскихъ описаній ихъ потрясаютъ, но совершенно инымъ потрясеніемъ, нежели то, которое люди испытывали на войнѣ. У Ремарка даны лишь непереносимые ужасы, но вѣдь война давала и силы ихъ перенести. Въ батальныхъ картинахъ Ремарка нарисованъ только земной адъ. Война же раскрывала надъ этимъ адомъ и нѣкую метафизическую твердь. Война, настоящая, непереносимая и все же столькими людьми перенесенная, война была почти въ каждомъ своемъ мгновении одновременно похожа какъ на жуткія, отвратительныя, стыдныя предсмертныя муки, такъ и на великое, нездѣшнее затишье мертваго чела. Этого нездѣшняго затишья въ книгѣ Ремарка нѣтъ или почти совѣсьмъ нѣтъ. Необъективность даннаго имъ образа войны (образа войны, отнюдь не переживаній его юныхъ героевъ) заключается въ отсутствіи въ его книгѣ религіознаго взгляда на войну. Война величайшая трагедія, не только массовое несчастье. Трагедія же, какъ правильно писалъ въ свое время Георгъ Лукачъ (впослѣдствіи вождь венгерскихъ коммунистовъ), не всякое несчастье, но лишь то, что свершается подъ Божьимъ взоромъ. Вотъ тѣ, на мой личный взглядъ по крайней мѣрѣ, безспорно правильныя и глубокія мысли и чувства, которыя оттапливаютъ отъ книги Ремарка многія религіозныя натуры.

Интересно, что къ голосу религіозныхъ противниковъ Ремарка можно, какъ мнѣ кажется, опять таки присоединить его собственный голосъ. Въ небольшой статьѣ, опубликованной въ «Deutsches Volksblatt» 9-IV 1929 года, Ремаркъ пишетъ: «Можетъ быть, я впослѣдствіи напишу (о войнѣ) какъ католикъ. Въ моей книгѣ этому не было мѣста... Человѣкъ, познавшій правду религіи, будетъ всегда къ ней возвращаться... Несмотря на тягчайшія пере-

живанія... Можетъ быть, какъ разъ ради этихъ тягчайшихъ переживаній». Но, если такъ, то не правы ли тѣ, что видятъ недостатокъ книги Ремарка, — о, конечно, не въ томъ, что въ ней не дано религіознаго оправданія войны (такое оправданіе невозможно, почему о немъ всегда и пекутся не религіозно, а націоналистически настроенные люди), а въ томъ, что война не показана на фонѣ религіознаго сознанія. Думаю, что «На западѣ безъ перемѣнъ» очень выиграло бы, если бы та католическая книга, которую Ремаркъ собирается написать, была бы имъ влита въ уже написанную имъ книгу. Въ военныхъ переживаніяхъ автора не написанная книга потенциально, вѣроятно, все-же присутствовала. Быть можетъ, силами не написанной католической книги о войнѣ и написана Ремаркомъ его атеистическая книга.

Въ своемъ краткомъ предисловіи Ремаркъ пишетъ: «Я хочу попытаться разсказать о поколѣнии, которое, даже и спасшись отъ гранатъ, было все же разрушено войной». Очевидно, не все было разрушено. Въ самомъ Ремаркѣ нашлись силы, которымъ онъ обязанъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ, своимъ творчествомъ. Объ этихъ силахъ книга его молчитъ, и этимъ молчаніемъ снижаетъ свою духовную и художественную цѣнность; но имъ же — въ этомъ врядъ-ли допустимо сомнѣніе — превышаетъ и свое социальное педагогическое значеніе. Не всегда и не всякая правда полезна. Не всегда и не всякая правда права. Это трагическое обстоятельство вещей живо и скорбно чувствуется за чтеніемъ военныхъ книгъ Юнгера.

**

Юнгерь совсѣмъ не Зельдте. Въ его дневникахъ нѣту и тѣни нарядной военной фразы. Его записки жестоки и правдивы. Подъ его описаніями войны могъ бы подписаться не только Ремаркъ, но и Барбюсъ. Потрясающія страницы его книгъ перепечатаны лѣвымъ социалистомъ Бехеромъ въ направленной противъ войны народной хрестоматіи.

Отличительная черта Юнгера — острое чувство связи послѣдней войны съ машинно-техническимъ духомъ и стилемъ новѣйшей европейской культуры. Война у него не гарцуетъ, какъ у Зельдте на чистокровномъ конѣ. Она у него работаетъ: усовершенствованнѣйшимъ тракторомъ

распахиваетъ просторы смерти. Къ самымъ жуткимъ страницамъ, написаннымъ о войнѣ, принадлежитъ Юнгеровское описаніе тѣхъ мѣстностей во Франціи, на которыхъ битвы машинъ рѣшали судьбы народовъ.

Ни дома, ни луга, ни пашни, ни лѣса. Каждая пядь земли поднята и перевернута; не разъ, а много разъ. Море сѣраго праха, изрытаго воронками. Надъ нимъ удушье разлагающихся труповъ. Безумная фантастика совершенно невозможнаго въ природѣ ландшафта, созданнаго не фантазій человѣка, а методическимъ машиннымъ трудомъ. На этомъ новомъ подлинно адскомъ полѣ брани лишенномъ всякаго разнообразія и всюду всегда одинаковымъ, — на Соммѣ и подъ Верденомъ — появляется новый человѣкъ — воинъ. «Духъ и темпъ войны мѣняются. Только послѣ битвы на Соммѣ всликая война обрѣтаетъ свое особое лицо, не похожее на лица всѣхъ предыдущихъ войнъ. «На головѣ нѣмецкаго появляется стальной шлемъ; въ его чертахъ то выраженіе предѣльно взвинченной энергіи, опустошенности и напряженности, которыя будущими поколѣніями ощутятся тою же великою тайною, которою для насъ исполнены нѣкоторыя античныя и возрожденскія головы».

Этотъ взоръ будущихъ поколѣній на Германію 1914-18 г. вообще играетъ въ міроощущеніи Юнгера рѣшающую роль. Въ предисловіи ко второму изданію (сейчасъ вышло уже десятое, отъ 34-ой до 39-ой тысячи) Юнгеръ варьируетъ только что процитированную мною мысль и пишетъ: «Сейчасъ наши нервы еще потрясены ужаснымъ внѣшнимъ обликомъ войны, но будущія поколѣнія въ ней почувствуютъ, можетъ быть, то, что мы ощущаемъ передъ распятіями нѣкоторыхъ старыхъ мастеровъ: великую мысль, свѣтящуюся надъ ночью и кровью».

Тотъ фактъ, что въ качествахъ указаній на духовную глубину войны у Юнгера встрѣчаются и головы языческихъ героевъ, и распятія старинныхъ мастеровъ, доказываетъ, что его обще-метафизическое ощущеніе войны лишь по слѣпой привычкѣ и приблизительной памяти связуется имъ съ темой христіанства. Въ сущности его вѣра не христіанство, а нѣкій религіозный патріотизмъ. Онъ съ особомъ цитируетъ положеніе Гераклита: «Война начало всѣхъ вещей»; безъ всякаго чувства отвѣтственности за жизнь, въ которой участвуетъ и которую самъ творить, пророчествуетъ о томъ, что мы только еще вступаемъ въ

эпоху небывалыхъ жестокостей, и, забывъ о крестѣ, восторженно призываемъ къ мечу, который правдивѣе и миролюбивѣе... трусости. Его послѣднія слова — родина и жертвоприношеніе (Opfertod).

Въ этихъ мысляхъ Юнгера таится темный соблазнъ. Корень въ трагическомъ непониманіи того, что для осуществленія религіознаго подвига, именуемаго жертвоприношеніемъ, мало приносимаго въ жертву существа и алтаря; что необходима еще и живая вѣра въ Бога. Родина можетъ быть алтаремъ, на которомъ мы приносимъ себя въ жертву Богу. Но она не можетъ быть Богомъ. Утвержденіе родины въ достоинствѣ Бога равносильно отрицанію Его, а тѣмъ самымъ превращенію алтаря не только въ простой столъ, но, что гораздо хуже, въ ту плаху, которую обыкновенно кончаютъ исповѣдники религіи патриотизма. Возможность такого превращенія, такого національ-соціалистическаго коммунизма на изнанку явно чувствуется въ книгѣ Юнгера. Надъ ея глубокими и честными страницами (иначе все, о чемъ я говорю, было бы несущественно) витаетъ тѣнь его распространеннаго въ нѣкоторыхъ національ-протестантскихъ кругахъ убѣжденія, что христіанство могло бы стать въ Германіи живою творческою силою, если бы Христосъ воплотился не въ еврея Иисуса, а въ чистаго арійца. Этотъ соблазнъ голубоглазаго Христа чреватъ такими страшными религіозными и политическими послѣдствіями, что, читая Юнгера, пережившаго войну безусловно глубже и духовнѣе Ремарка, невольно ловишь себя на ощущеніи: лучше ужъ безъ утвержденія религіознаго смысла войны. Слишкомъ опасная тема, слишкомъ опасное чувство. И въ самомъ дѣлѣ. Возможно ли въ наше время, которое свои религіозно-философскіе фоліанты пишетъ подчасъ весьма жидкими чернилами, свои же міровые экспортъ-импортные счета сводитъ густою, красною кровью, безнаказанно и во всеуслышаніе говорить не только о религіозномъ, но даже и просто духовномъ смыслѣ войны?

**

Приступая послѣ прочтенія разобранныхъ книгъ къ «Войнѣ» Ренна (послѣ Ремарка самая извѣстная и распространенная книга въ Германіи), съ первыхъ же страницъ поражаешься ея совершенно исключительной объ-

ективностью. Нѣтъ сомнѣнія, что «Война» даетъ самое точное и самое правильное описаніе войны, какую она въ дѣйствительности была. Реннъ заноситъ на страницы своей книги только то, что онъ видѣлъ своими глазами изъ своего окопа. Онъ не привноситъ никакихъ точекъ зрѣнія. Ничего не объясняетъ, ничего не истолковываетъ. Описывая ужасы войны, онъ не пытается ни испугать, ни отвратить. Книга захватываетъ, но чувства, которыми полны ея страницы, лишены всякой Ремарковской чувствительности и жалостливости къ себѣ самому и своимъ друзьямъ. Зарисованные Ренномъ люди самые обыкновенные люди, и все же понятно, какъ ими свершается такое нечеловѣческое и необыкновенное дѣло, какъ война. Какими-то незамѣтными штрихами и простыми словами Реннъ умѣло показываетъ возможность жизни на войнѣ. Ни подвига, ни геройства, а самый простой, хотя и очень страшной жизни. Кто-то изъ персонажей Ренна говоритъ: «Какая бессмыслица думать, что въ жизни возможны вещи, лишеныя всякаго смысла». Не думаю, чтобы было правильно утверждать, что эта мысль главная идея Ренна. Идей у него нѣтъ. Но подошлека, подсознательная основа этой идеи въ его книгѣ присутствуетъ, быть можетъ, составляетъ ся незамѣтную, но живую и правдивую глубину. Люди Ренна на войнѣ не только задыхаются, но и дышатъ, подчасъ даже и чистымъ воздухомъ. Откуда этотъ чистый воздухъ въ смрадѣ войны, непонятно, но понятно, что безъ него и воевать было бы невозможно. Черезъ всю книгу Ренна еле-замѣтнымъ лейтъ-мотивомъ проходитъ фраза: «Мнѣ вдругъ стало легко на душѣ» Откуда эта легкость Реннъ не объясняетъ, но и безъ объясненія причинъ ясно: потому, что отчаянію и мраку есть предѣлъ. Если бы его не было, то всѣ лишили бы себя жизни. Но вотъ не лишаютъ, а дышатъ какимъ-то воздухомъ, воюютъ и даже чувствуютъ себя время отъ времени свободными и веселыми.

Очень правдивая, хотя никакихъ ужасовъ не скрывающая книга, написанная хорошимъ, точнымъ и скупымъ языкомъ; короткой, увѣренной фразой. На этой характеристикѣ я кончилъ свой докладъ о нѣмецкой военной литературѣ.

**
*

Послѣ ужина во время шумнаго разговора среди группы старшихъ офицеровъ ко мнѣ подсѣлъ еще молодой капитанъ и сообщилъ, что онъ хорошо зналъ Ренна, съ которымъ служилъ въ одномъ полку. Оказалось, что Реннъ псевдонимъ; что авторъ знаменитой «Войны» сынъ дрезденскаго профессора и кадровый офицеръ. Мой собесѣдникъ охарактеризовалъ его какъ человѣка мягкаго, нѣжнаго и женственнаго, скорѣе поэта, чѣмъ офицера, и сообщилъ, къ моему удивленію, что по окончаніи войны Реннъ примкнулъ къ коммунистамъ и занимается обученіемъ красныхъ фронтовиковъ военному искусству. На мой вопросъ, чѣмъ объяснить такую перемѣну взглядовъ, капитанъ горячо отвѣтилъ: «Да вотъ тѣмъ, что у Ренна дѣйствительно всегда были одни глаза, и никогда не было никакихъ точекъ зрѣнія. На войнѣ точки зрѣнія на войну, правда, не нужны, но въ мирное время онѣ необходимы, иначе зачѣмъ же быть офицеромъ?».

— А у васъ она есть?

— Въ томъ то и дѣло, что, пожалуй, и нѣтъ. И не только у меня, но и у той Германіи, которой мы служимъ. Если, конечно, не считать за нашу точку зрѣнія то, что лучше всего было бы, если бы міръ вообще не нуждался ни въ арміи, ни въ офицерахъ.

Былъ поздній часъ. Мы начали прощаться.

Федоръ Степунъ.